

АНДРЕЙ ОЛЕХ

УЛИЦА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОВЕТСКИХ ФУРАГ

СВОБОДЫ

роман

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
О-53

Оформление серии *Петра Петрова*

Олех, Андрей Юрьевич.

О-53 Улица Свободы : роман / Андрей Олех. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 224 с. — (Претендент на
бестселлер!).

ISBN 978-5-699-95925-9

В 1975 году ветер выл над Волгой и гнал серые тучи, день не отличался ото дня, год от года, рабочие все обтачивали и обтачивали одинаковые болванки и на полученные деньги покупали дешевую водку или портвейн... Леха и Игорь легко и бездумно вынесли с родного завода слитки платины — чтобы задорого продать и вырваться из замкнутого круга. Но их жизнь внезапно изменилась неожиданным образом... В новой книге Андрея Олеха описаны уникальная куйбышевская субкультура эпохи застоя — фураги — и удивительные приключения Лехи и Игоря, рабочих парней с рабочей окраины — Безымянки.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95925-9

© Олех А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

МАРТ. ЗАВОДСКОЕ ШОССЕ

— Ну че?

— Ничего, рот закрой, — сдавленно прошептал Игорь, появляясь над заводской стеной. Стараюсь не задеть колючую проволоку, он передал сумку Лехе. Накинув ватник на шипы, перебросил свое худое тело на улицу. — Зацепился.

— Оставь.

— Это отца. — Игорь внимательно осматривал куртку в темноте, потом добавил: — Порвал.

— Идем уже, — оглядывая ночную улицу, поторопил Леха и впечатал в стену папиросный окурок.

Тот разлетелся искрами, оставив черную заплатую на кирпиче, невидимую в безлунной мартовской ночи.

Они долго шли молча. Поднялись на Кировский мост, через стальную реку железнодорожных путей, и на открытом пространстве ускорили шаг. Под ними, глухо стуча колесами, прополз темный товарняк, проехал переезд и набрал ход.

Не доходя до площади, свернули во дворы, скрываясь от возможных глаз и ветра. Здесь бы-

ло тише, и лед звонче хрустел под ногами. Когда дом был уже близко, показалось, что можно говорить.

— Ляжки замерзли.

— Лех, возьми сегодня к себе, я завтра перепрячу. Вдруг отец не спит.

— Только до завтра. — Леха достал папиросу и, не глядя, протянул пачку Игорю.

— Я две возьму, одну на утро. Ты спрячь как следует, чтоб мать не нашла.

Леха проводил Игоря взглядом до подъезда соседней двухэтажки. Ни одно окно не горело. Было слышно, как гудит лампочка в фонаре, как кто-то храпит на первом этаже, как подтаявшие сугробы оседают под собственной тяжестью, а с крыш домов, несмотря на ночной минус, капает снег, тающий от тепла жизни.

Леха докурил, хотел впечатать бычок в стену, но, посмотрев на родную желтую штукатурку в подтеках, бросил его на землю. В подъезде было темно, но каждая деревянная ступенька знакома. Первые пять всегда пружинят от сырости, а в конце второго пролета сухие, а летом даже теплые, если уснуть на них пьяным.

Он повернул ключ два раза вправо и вошел в прихожую. Тихо, стараясь не щелкнуть замком, закрыл дверь, повернулся повесить фурагу на гвоздь и вздрогнул, увидев маленький силуэт, светившийся белым от фонаря, бьющего в окно.

— Ты че не спишь, Люська?

— Мама ж на дежурстве, страшно одной. — Сестра зевнула, не дотянув ладошку до лица, почесала плечо. — Опять с Игорем пил?

— Завтра на работу, — разуваясь, ответил Леха.
— Завтра суббота.
— Правда? — обрадовался Леха и тут же об этом забыл.

— Что в сумке?
— Сокровища. Спать иди, в школу утром опоздаешь.

Люся еще раз зевнула и, медленно моргнув, ушла в зал, где скрипнули пружины матраса.

Леха зашел в свою комнату. Будильник показывал три часа ночи; он почувствовал, как сильно устал. Сумка тянула руку, он подошел к окну и в свете фонаря достал из нее слиток платины. Она не блестела, а словно мерцала изнутри матовым сиянием. На вид не слишком дорогая, зато тяжелая и очень холодная. Ондохнул на нее. На металле появилось и тут же исчезло белое мутное облачко. Следующий слиток был такой же, но вдвоем они смотрелись богаче. Леха выстроил на подоконнике пирамидку из шести блоков, как выставляла консервы в универмаге тетя Зина.

— Как банки, — шепнул он сам себе и, испугавшись, быстро сложил платину обратно в сумку.

Осмотрел узкую комнату. Кровать-раскладушка, фанерная тумбочка, шкаф с одеждой. Мать вернется из больницы к семи, его уже не будет. Решит убраться, полезет постирать вещи. Можно спрятать на балконе среди хлама, но в зале спит сестра.

Леха, обходя самые скрипучие половицы, открыл дверь туалета и, не включая свет, по-

тянулся к бачку. Железная крышка поехала со скрежетом, пришлось встать на цыпочки, поднять ее над головой и терпеть холодные капли, стекающие в рукав. Если положить сумку, вода польется на пол, надо спустить воду. Грохот потока, казалось, мог разбудить весь квартал, но журчание вновь набиравшегося бачка подталкивало к немедленным действиям. Сумка не влезла, и слитки один за другим были извлечены и укрыты под водой. Леха осторожно опустил крышку на место и обтер руки об штанину. Он стоял и слушал, как шумит вода, пока бачок не заполнился. В тишине пели водопроводные трубы. Это от мороза, подумал Леха и заслушался странной печальной мелодией. Потом достал папиросы и, больше не боясь скрипеть половицами, прошел на кухню. Открыл форточку. Вспыхнувший в отражении огонек спички ослепил, на миг скрыв вид на двор, и взгляд упал на проросшую в пол-литровой банке луковицу. Леха в задумчивости уставшего человека ковырнул белую краску подоконника, ощутив легкий укол под ногтем, стал смотреть на тьму за окном. Снаружи ничего не было видно, но память и без зрения выделяла из черных оттенков телеграфный столб, столик справа от него и остов пустой песочницы слева, сплошную линию сараев, а за ними очертания деревьев, а дальше ничего.

Окурок вылетел из форточки и потух, не достигнув земли. Леха в полусне дошел до раскладушки, разделся и лег. По потолку пробежал свет фар и осветил расходившуюся в побелке

трещину. Надо подновить. Надо купить новую кровать. Мысли прошли по коридору и залезли в бачок, где в холодной воде лежали ледяные слитки. Живот зачесался, и рука потянулась к нему, но сон настиг Леху раньше.

* * *

Будильник зазвонил в половину пятого. Игорь открыл глаза и зажмурился от света фонаря. Казалось, за выходные можно было отдохнуть, а теперь началась новая рабочая неделя, и до следующих еще пять дней. Он встал и пошел по точно такому же, как у Лехи, коридору, раздражаясь на тусклую желтую кухонную лампочку. Цветочный халат матери стоял к нему спиной и мыл посуду.

— На голодный желудок курит, форточку открой, всю вонь в зал тянет.

Игорь выбросил папиросу на середине, ежась от холода, идущего из окна. Весна снова отступила, продолжался пятый месяц зимы.

— Есть будешь?

— Чай.

— Чай вчерашний, не заваривала.

Игорь налил черного цвета заварку в граненый стакан со сколом и залил половину кипятком. Мелкие чайники кружились вверх и вниз, не торопясь оседать. Оставив стакан на столе, Игорь пошел одеваться.

Леха, как всегда, ждал его. Они обменялись молчаливым рукопожатием. Игорь взял предло-

женную папиросу и, прикрыв спичку от ветра, прикурил на ходу.

— Когда заберешь сумку?

— Сейчас не могу, отец в запое. По всему дому деньги ищет.

— Когда он у тебя не в запое?

— Я сказал: заберу, — огрызнулся Игорь.

Тусклый рассвет пополз по улице, превращая тени на другой стороне Свободы в людей. Даже при свете они были мрачны, одетые в почти одинаковые пальто и ватники, поодиночке идущие на заводы. Шли они быстро, но не обгоняли друг друга, сохраняя привычный ритм спешки. Для каждого свой, для всех общий. Ближе к площади Кирова ручейки объединялись в колонну и штурмовали трамваи и автобусы.

— Ляжки мерзнут, штаны бы теплые купить.

— Перетерпишь, скоро тепло будет, — без особой надежды пробормотал Игорь.

Не сговариваясь, они перешли на бег и с разгона влетели в набитый трамвай, врежаясь в твердую стену спин. Двери закрылись, и в теплой тесноте вагона отчетливо поплыл запах перегара. Он перебивал все другие запахи, обычные в другие дни, но не после выходных.

Вкручиваясь в толпу, Игорь оказался у окна и, прислонившись лбом к холодному стеклу, закрыл глаза. Глухое чувство раздражения с битым ритмом колес вбивалось в голову. Почему нельзя поспать, зачем ехать на завод, уставать и получать семьдесят рублей в месяц, чтобы пятьдесят отдать матери, семь — государству по суду, а тринадцать — пропить? И пропить-то ни разу

не удалось с размахом, как мечталось, — разве взять после второй бутылки третью «Экстру». Так а чем она лучше? На третьей уже ничего не чувствуешь, а почувствуешь — не вспомнишь. Кругом пустота.

Игорь встряхнулся, почувствовав внутренними часами свою остановку, и вместе с толпой спрыгнул на лед. Теперь трамвай почти пустой, и кому он туда на хер нужен? Впереди, в привычном сером пейзаже, виднелись трубы Безымянской ТЭЦ.

— Как думаешь, заметили пропажу на заводе? — почти шепотом спросил Леха у проходной.

— Рот закрой, — ответил Игорь и прошел через вахту.

* * *

Леха с опаской оглядел цех. Из окон стекал серый свет пасмурного утра. Рабочие кашляли и сморкались, дополняя гул станков. Ничего за выходные не изменилось. Часы работы шли, и Леха, глядя, как фреза снимает металлическую стружку с болванки, забыл, чего боялся.

После обеда двое рабочих запоздали из курилки и неспешно шли по цеху, распространяя запах махорки.

— Я тебе говорю, все утро здесь менты торчали... — донесся обрывок разговора, и Леха уронил стальную болванку на пол.

— Что ж ты такой долбоеб, Леша, — тут же возник за спиной мастер. — С такой фамилией — и такой криворукый дурак...

— Че менты приходили, Альбертыч? — выручая друга, выкрикнул из-за своего станка Игорь.

Игорь знал, что называть мастера цеха Альбертычем разрешается не всем, обычно просто говорили «начальник», но расчет был верен: вывести его из равновесия и добыть информацию.

— Рот закрой, Цыганков! — рявкнул Альбертыч.

— Не, ну а че, товарищ начальник? — подобострастно загундели остальные мужики, плохо скрывая любопытство. — Че ментам надо было?

— Не ваше дело, не к нам приходили, и радуйтесь.

— А че, опять спиздили че-то? — скорее проверяя слух, чем пытаясь угадать, спросил кто-то.

— Не выражаться в цеху!

По Альбертычу сразу стало видно, что гипотеза верна, а ему велели не трепаться. Тайна была разгадана, и мужики, довольно ухмыляясь, вернулись к работе.

— Эх, Королев, Королев. Кончай уже раздолбайничать, — обратился Альбертыч к Лехе, поддерживая авторитет начальства. — Всю жизнь будешь по первому разряду семьдесят рублей получать? Ты ж башковитый парень, давай на курсы запишу.

— Не надо, — буркнул Леха, и Альбертыч, удовлетворенный ритуалом «руководство старшего товарища», пошел шутить с фрезеровщиками.

Пятница закончилась снегопадом. Усталость от недели, от бесконечной зимы и от волнений превратилась в две бутылки водки. Одна лежала в кармане у Игоря, другая — у Лехи. Друзья зашли за сараи, прячась от ветра, сбросили снег с ящика, но сесть не решились.

— Опять без стаканов, — сказал Леха, провозжая взглядом крошечные пузырьки воздуха, стремившиеся вверх, но натывавшиеся на дно при каждом глотке Игоря.

Не смахивая навернувшиеся слезы и не выдыхая, Игорь втянул дым протянутой папиросы и протянул бутылку Лехе. Водка обожгла Королеву горло, он схватил с ветки тополя снег и проглотил. Где-то рядом орала кошка.

— Вон животное уже весну чувствует.

— Только она и чувствует, — оборвал Игорь, отбирая бутылку и делая второй, более основательный заход.

— Пошли в дом, холодно же.

— Купи себе подштанники, — уже немного пьяным и злым языком, начиная растягивать слова, чего трезвым никогда не делал, сказал Игорь. — Идем к тебе.

— У меня мать с дежурства отсыпается, — быстрее делая глоток, чтобы догнать друга, покачал головой Леха, расстроенный тем, что опять не успел напомнить про слитки. С таким Игорем было бесполезно и опасно спорить.

— У меня отец в запое. Водки мало, он одну точно уььет.

— Быстрей бы Наташка из армии вернулся.
— Никак не дождешься своего татарина, — с раздражением сплюнул Игорь.

Сам он тоже скучал без Рината. Без него у Лехи и Игоря как-то не получалось, они больше молчали и больше пили. К тому же возвращение друга неосознанно, но ясно связывалось с маем, теплом и поворотом жизни в лучшую сторону.

Они замолчали; стало слышно, как за деревянной стенкой сарая копошатся свиньи бабы Тома. Игорь, часто носивший им еду по просьбе старой соседки, отчетливо представил, как свиньи лежат в дерьме, окруженные кромешной тьмой.

— Одна вонь от них, на хера они нужны?

— Привычка с деревни, вот и держит, — ответил думавший примерно о том же Леха. — Пошли в подъезд, холодно.

Игорь согласился коротким кивком и по привычке пошел к себе в подъезд, где не было проблем с соседями. На втором этаже жила его семья, а напротив — баба Тома, приветливая, а главное, глухая одинокая старушка. Из-за ее двери гремела выкрученная на полную громкость сломанная музыкальная шкатулка заставки «Клуба кинопутешествий».

— Хорошо, топят еще. — Королев приложил руку к раскаленной батарее, впитывая ее тепло онемевшей ладонью.

— Помнишь, как тот мужик пьяным в подъезде заснул под батареей и руку себе обварил?

Дурацкая история про мужика и ожоги всплывала год за годом, в разных вариациях в зави-

симости от рассказчика. Никто в нее толком не верил, но легенда жила вопреки этому как отражение жестокой и несправедливой судьбы.

— Может, хоть стаканы вынесешь? — спросил Леха, когда они сели на деревянные ступени.

Цыганков помотал головой и почти допил бутылку. Пьяным он был немногословен. Леху такое спокойствие не обманывало. Заглянув в глаза друга, он понял, что окончательно упустил момент поговорить о слитках, и открыл вторую бутылку, не замечая, как сам опьянел.

— Прикинь, машину купить? А че, в Тольятти «Фиат» делают...

— И свиньям в сарай поставить... — начал было Игорь, но замолк, потому что скрипнула ржавая пружина двери и по доскам подъезда загрохотали удары. — Припрыгал...

Через мгновение в пролете появился отец Игоря — Толя. Он остановился перед подъемом, одной рукой держась за перила, а другой за оттопыренный карман черной синтетической шубы. Левая штанина развязалась и болталась пустотой. Наконец он заметил Игоря и Леху:

— Комсомол на посту. Че, щеглы, на заводе жопы новые выдали, на досках просиживать?

— Че без костыля опять выскочил? — проявил заботу Игорь.

— Да не прячь бутылку, — проигнорировал вопрос Толя. — У нас своя есть, пошли на кухню.

— Где деньги взял?

— Там больше нету, — сосредоточенно прыгая, ответил отец.